

УДК 821.134.2-82(861)
ББК 84(7Кол)-44
Г20

Серия «Библиотека классики»

Gabriel García Márquez

EL CORONEL NO TIENE QUIEN LE ESCRIBA
LA HOJARASCA
RELATO DE UN NÁUFRAGO

Перевод с испанского

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Печатается с разрешения наследников автора и литературного
агентства Agencia Literaria Carmen Balcells, S.A.

Гарсиа Маркес, Габриэль.

Г20 Полковнику никто не пишет ; Шалая листва ; Рассказ человека, оказавшегося за бортом корабля : [сборник : перевод с испанского] / Габриэль Гарсиа Маркес. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 320 с. — (Библиотека классики).

ISBN 978-5-17-105775-6

Габриэль Гарсиа Маркес — величайший писатель XX века, лауреат Нобелевской премии, автор всемирно известных романов «Сто лет одиночества», «Любовь во время чумы» и «Осень патриарха».

В сборник включены ранние произведения писателя: «Полковнику никто не пишет», «Шалая листва», «Рассказ человека, оказавшегося за бортом корабля».

УДК 821.134.2-82(861)
ББК 84(7Кол)-44

© Gabriel García Márquez, and Heirs of Gabriel García Márquez, 1961, 1955, 1970

© Перевод. В. Капанадзе, 2020

© Перевод. Д. Симицына, 2020

© Перевод. Т. Шишова, 2020

© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

ISBN 978-5-17-105775-6

*Полковнику
никто не пишет*

Полковник открыл крышку и обнаружил, что кофе в банке осталось от силы на одну маленькую ложечку. Он снял с огня чугунок, выплеснул половину воды на земляной пол и старательно соскоблил ножом со стенок банки последние крупинки кофе вперемешку со ржавчиной.

В ожидании, пока закипит вода, полковник присел возле глиняной печки и, доверившись своим ощущениям, с наивным, почти детским выражением лица стал прислушиваться к себе. Ему казалось, что в его кишках завелись неведомые смертоносные грибы и водоросли. Стояло октябрьское утро. Начинался один из тех дней, что трудно пережить даже такому человеку, как полковник, а уж сколько он их пережил! На протяжении пятидесяти шести лет, что прошли после гражданской войны, полковник только и делал, что ждал. Октябрь был в числе того немногого, чего он все-таки дождался.

Его жена откинула москитную сетку, когда он принес ей в спальню кофе. Она всю ночь мучилась от приступа астмы и до сих пор пребывала в полусонном состоянии, но все же потянулась за чашкой.

— А ты?

— Я уже пил, — солгал полковник. — Там еще целая столовая ложка оставалась.

Зазвонил колокол. Полковник спохватился, что совсем забыл про похороны. Пока жена пила кофе, он отцепил один из концов гамака, скатал его и убрал за дверь. Жена то и дело вспоминала покойника.

— Он родился в двадцать втором году, — говорила она. — Седьмого апреля, ровно через месяц после нашего.

Она отхлебывала кофе маленькими глотками в промежутках между судорожными вдохами. Ее тело, некогда гибкое, стало малоподвижным. Затрудненное дыхание не позволяло ей повышать голос, отчего все ее вопросы звучали как утверждения. Допив кофе, она все еще думала о покойнике.

— Ужасно быть похороненным в октябре, — сказала она.

Но муж пропустил ее слова мимо ушей. Он открыл окно. На дворе уже воцарился октябрь. Разглядывая буйную сочную зелень и следы дождевых червей в мокрой глине, полковник вновь всеми внутренностями ощутил зловещую, всепроникающую сырость.

— Продрог до костей, — сказал он.

— Что ты хочешь, сезон дождей, — отозвалась жена. — С тех пор как зарядили дожди, я не устаю твердить тебе, чтобы ты спал в носках.

— Я так и сплю, уже целую неделю.

— И так вот — всё, — прошептала она. — Мыгнием заживо. — Она зажмурилась, чтобы ничто не отвлекало ее от мыслей об умершем.

Накрапывал мелкий назойливый дождь. Полковник с удовольствием закутался бы сейчас в шерстяное одеяло и снова забрался в гамак, но надтреснутая

бронза колокола настойчиво напоминала о похоронах.

— Да, октябрь, — прошептал он, отходя от окна. И только тут вспомнил о петухе, привязанном к ножке кровати. Это был бойцовый петух.

Полковник отнес чашку на кухню и завел в гостиной настенные часы в деревянном резном футляре. В отличие от спальни, чересчур тесной для астматички, гостиная была просторная, с четырьмя плетеными качалками вокруг покрытого скатертью стола, на котором восседал гипсовый кот. На стене, напротив часов, висела картина, изображавшая лодку в зарослях тростника; в лодке сидела женщина, окруженная амурами и розами.

Когда он завел часы, стрелки показывали двадцать минут седьмого. Полковник отнес петуха на кухню, привязал его у очага, сменил в миске воду и высыпал туда пригоршню маиса. Через дыру в изгороди во двор проникли несколько ребятишек. Они сели вокруг петуха и молча стали его рассматривать.

— Хватит на него глазеть, — сказал полковник. — Петухам вредно, когда на них долго смотрят.

Дети застыли, по-прежнему не говоря ни слова. Потом один из них заиграл на губной гармошке модную песенку.

— Сегодня играть нельзя, — сказал полковник. — В городе покойник.

Мальчик спрятал гармошку в карман, а полковник пошел в комнату переодеться к похоронам. Приступ астмы помешал жене отгладить его белый костюм, и полковнику пришлось довольствоваться старым, из черного сукна, который после свадьбы он надевал лишь в особых случаях. Он с трудом

отыскал его на дне сундука, где тот лежал завернутый в газеты и пересыпанный шариками нафталина. Жена вытянулась на постели, продолжая думать о покойнике.

— Сейчас он уже наверняка встретился с Агустином, — сказала она. — Только бы не рассказал ему, как туго приходится нам без него.

— По времени они должны бы уже обсуждать петухов, — сказал полковник. Он нашел в сундуке огромный старый зонт. Жена выиграла его в лотерею, проводившуюся в пользу партии, к которой принадлежал полковник. В тот вечер они пошли на спектакль под открытым небом, который не стали отменять, несмотря на дождь. Полковник с женой и Агустином — мальчику было тогда восемь лет — укрылись под зонтом и досмотрели спектакль до конца. Теперь Агустина нет в живых, а белую атласную подкладку зонта съела моль.

— Полюбуйся, что осталось от нашего клоунского зонта, — произнес полковник свою излюбленную фразу и раскрыл над головой нелепую конструкцию из металлических спиц. — Теперь он годится лишь для того, чтобы считать звезды. — Полковник улыбнулся. Но жена даже не посмотрела в его сторону.

Побрившись на ощупь, — зеркала у него давно не было, — полковник молча оделся.

Брюки, плотно, как кальсоны, облегавшие его ноги, застегивались на щиколотках и стягивались у талии двумя позолоченными пряжками. Ремня полковник не носил. Рубашка цвета старого порыжелого картона и сама твердая, как картон, застегивалась на медную пуговицу, державшую также и ворот-

ничок. Правда, воротничок порвался, и поэтому полковник решил обойтись без галстука.

Он готовился к выходу так, словно участвовал в каком-то особенном торжественном ритуале. Его костлявые руки, обтянутые прозрачной кожей, были усеяны коричневатыми пятнами, равно как и шея. Прежде чем надеть лакированные ботинки, полковник соскреб грязь с рантов. Взглянув на него, жена вспомнила, что так же он был одет в день свадьбы. И только тут заметила, как сильно постарел ее муж.

— Какой ты нарядный. Можно подумать, случилось что-то особенное, — сказала она.

— Так и есть. За столько лет первый человек умер своей смертью.

Дождь прекратился после девяти. Полковник собрался было выходить, но жена придержала его за рукав.

— Причешись, — сказала она.

Он попробовал пригладить гребенкой свою жесткую стальную щетину, но из этого ничего не вышло.

— Наверно, я похож на попугая, — сказал он.

Жена внимательно осмотрела его. «Нет, — подумала она, — на попугая он не похож». Сухощавый, но крепко сбитый, он ничем не напоминал неподвижных, словно плавающих в формалине стариков, — его глаза были полны жизни.

— Все в порядке, — подтвердила она и, прежде чем полковник вышел из комнаты, добавила: — Кстати, спроси у доктора: его что, кипятком у нас ошпарили, что ли?

Они жили на окраине городка, в домике с крышей из пальмовых листьев и облупившимися стенами. Было по-прежнему сыро, но дождь прекратился.

Полковник спустился к площади по переулку, где дома плотно лепились друг к другу. Свернув на центральную улицу, он вдруг почувствовал озноб. Весь городок, насколько хватал взгляд, был устлан ковром из цветов. Женщины в черном поджидали траурную процессию у дверей домов. Полковник вышел на площадь, и тут опять заморосил дождь. Хозяин бильярдной увидел его от дверей своего заведения и, помахав рукой, закричал:

— Подождите, полковник, я дам вам зонт!

Полковник ответил, не повернув головы:

— Спасибо, не беспокойтесь.

Покойника еще не выносили. Мужчины в белых костюмах и черных галстуках стояли у дверей, раскрыв зонты. Кто-то из них заметил полковника, перепрыгивавшего через лужи на площади.

— Идите сюда, кум! — позвал он полковника и посторонился, освобождая ему место.

— Спасибо, кум, — ответил полковник, однако приглашением не воспользовался. Он хотел выразить соболезнование матери покойного и вошел в дом. И первое, что он заметил, это сильный запах разнообразных цветов. И сразу же ему стало невыносимо душно, и он попытался выбраться из толпы, запрудившей спальню. Но кто-то уперся рукой ему в спину и вновь втолкнул его обратно, в середину комнаты, мимо растерянных лиц, туда, где виднелись темные впадины высоко вырезанных ноздрей покойника.

У гроба сидела мать покойного, отгоняя мух вее-ром, сплетенным из пальмовых листьев. Другие женщины, одетые в черное, смотрели на труп с таким выражением, с каким смотрят на течение реки. Не-

ожиданно из глубины комнаты донесся голос. Полковник отодвинул какую-то женщину и, оказавшись рядом с матерью покойного, положил руку ей на плечо. Стиснул зубы.

— Мои глубокие соболезнования.

Не поднимая головы, она открыла рот и заголосила. Полковник вздрогнул. Он почувствовал, что бесформенная масса, разразившаяся жалобными причитаниями, толкает его на труп. Полковник пытался отыскать опору, но вместо стены наткнулся на тела других людей. Кто-то шепнул ему на ухо мягким, ласковым голосом:

— Осторожно, полковник.

Он обернулся, увидел покойника, но не узнал его: при жизни сильный и энергичный, а теперь весь в белом и с кларнетом в руках, он выглядел таким же растерянным, как полковник. Когда полковник поднял голову, чтобы глотнуть ртом немного воздуха, он увидел уже закрытый гроб — раскачиваясь, он плыл поверх голов в сторону двери, по волнам цветов, сплюсцивавшихся о стены. Полковник вспотел. У него заныли суставы. Через некоторое время он понял, что стоит на улице, потому что по векам у него заструился дождь. Кто-то схватил его за руку и сказал:

— Скорее, кум, я ждал вас.

Это был дон Сабас, крестный его умершего сына, единственный из руководителей его партии, кто избежал политических преследований и продолжал жить в городке.

— Спасибо, кум, — сказал полковник и молча зашагал под зонтом. Оркестр заиграл похоронный марш. Полковник заметил, что не хватает кларнета,

и только тут до него впервые дошло, что покойник действительно умер.

— Бедняга, — прошептал он.

Дон Сабас откашлялся. Он держал зонт в левой руке, почти на уровне лица, так как ростом был гораздо ниже полковника. Похоронная процессия миновала площадь, и мужчины начали потихоньку разговаривать. Дон Сабас повернул к полковнику расстроенное лицо и спросил:

— Как там петух, кум?

— Все в полном порядке, — ответил полковник, и тут вдруг раздался крик:

— Куда это вы тащите покойника?

Полковник поднял глаза и увидел алькальда, застывшего на балконе казармы в позе оратора. Алькальд был в трусах и фланелевой рубашке, небритый и опухший. Музыканты перестали играть. И тут же до полковника долетел знакомый голос падре Анхеля, что-то кричавшего в ответ. Полковник напряженно вслушивался в разговор, который заглушался шумом дождя, стекавшего с зонтов.

— Что там? — спросил дон Сабас.

— Ничего, — ответил полковник. — Говорят, нельзя проносить покойников мимо полицейской казармы.

— Я совсем забыл! — вскричал дон Сабас. — Все время забываю, что у нас осадное положение.

— Но мы же не поднимаем восстание, — возразил полковник. — Мы просто прощаемся с бедным музыкантом.

Процессия двинулась в другую сторону. Женщины из бедных кварталов поначалу встретили ее молчанием и только кусали ногти. Но потом выскочили

на середину улицы со словами похвалы, благодарности и прощания, словно верили, что усопший слышит их в своем гробу. На кладбище полковник почувствовал себя совсем плохо. Когда дон Сабас, подтолкнув его к стене, чтобы пропустить вперед могильщиков с гробом, обернулся к нему с улыбкой, он увидел, что лицо полковника окаменело.

— Что с вами, кум?

Полковник вздохнул.

— Октябрь пришел, кум.

Возвращались той же улицей. Дождя уже не было. Небо расчистилось, став глубоким, ярко-синим. «Вот и дождь закончился», — подумал полковник. Он чувствовал себя лучше, но все еще прислушивался к своим ощущениям. Дон Сабас вернул его к действительности.

— Вам надо сходить к врачу, кум.

— Я не болен, — возразил полковник. — Просто в октябре всегда чувствую себя так, будто кто-то гложет мои внутренности.

— А-а, — сказал дон Сабас. И простился с полковником на пороге своего нового дома — двухэтажного, с коваными решетками на окнах. А полковник поспешил к себе, мечтая поскорее сбросить черный выходной костюм. И почти сразу снова вышел на улицу, чтобы купить в магазинчике на углу банку кофе и полфунта маиса для петуха.

* * *

Полковник занялся петухом, хотя по четвергам предпочитал лежать в гамаке. Дождь лил, не переставая, уже несколько дней. За прошедшую неделю